

ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО: ОТ НАРРАТИВА К МИФУ

В статье анализируется процесс создания нарратива Александра Невского как важной части российского исторического гранд-нарратива, а также постепенное превращение Невского в национальный миф в контексте современной философии истории.

Автор делает вывод, что образ Невского оказывается столь востребованным в разные эпохи российской истории потому, что в нем сосредоточена парадигма российского мышления, сердцевинной которого является антизападничество. В российском сознании Вторая мировая (Великая Отечественная) война все еще продолжается. И главным врагом является Запад. Это значит, что миф Невского имеет будущее.

Ключевые слова: нарратив, миф, образ, философия истории, дискурс, сюжет, идентичность, идеология.

Одной из так называемых “скреп” российского историко-национального мифа является фигура князя Александра Ярославича Невского (1221-1263). Его культ красноречиво свидетельствует, что в историческом нарративе героем становится не столько тот, кто действительно совершил нечто героическое, а, скорее, тот, о деяниях которого надлежащим образом рассказали.

Дискуссии российских и западных историков о Невском продолжаются, а оценки его деяний диаметрально противоположны: от прославления (Н. Карамзин [4], Н. Костомаров [6], Владимир Кучкин [7], Владимир Пашуто [11], С. Соловьев [16]), до скепсиса (Игорь Данилевский [2]) и уничижения (Александр Нестеренко [9], Джон Феннелл [19]).

Задачей нашей статьи мы видим очерк процесса создания нарратива Невского как одной из важных составляющих российского исторического гранд-нарратива и постепенное превращение Невского из фигуры нарратива в национальный миф.

“Лингвистический поворот” в философии истории привел к пониманию того, что прошлое существует для историка, прежде всего, в виде письменных текстов, а деятельность его самого состоит в создании новых текстов. Причем, (и это чрезвычайно важно!) текстов повествовательного характера, подчиняющихся тем же риторическим нормам, что и тексты литературные, вымышленные. Как справедливо отмечает Хейден Уайт, “сначала элементы исторического поля организованы в хронику событий, чтобы иметь с ними дело в порядке того, как они произошли; затем хроника организуется в историю последующим преобразованием событий в компоненты “спектакля”, или процесса их совершения, который, как считалось, имеет начало, середину и конец. Эта трансформация хроники в историю обусловлена характеристикой одних событий в хронике в терминах мотивов завязки, других – в терминах мотивов развязки, третьих – в терминах переходных мотивов” [18, с. 25].

Однако, особенностью древнерусской летописи (в отличие от средневековой европейской хроники) является ее изначально нарративный характер. Летописец не столько “отображал”, сколько “реконструировал” (или даже “конструировал”) события. Более того, по замечанию Михаила Приселкова, “правящая верхушка, которая в том или ином феодальном центре налаживала у себя дело летописания, в изложении событий, заносимых на страницы своего летописца, озабочивалась, конечно, не правдивостью передачи, а созданием такого повествования, которое в данном случае было бы выгоднее всего для этой местной политической власти” [13, с. 37].

Так было и в случае с Александром Ярославичем. Не летопись (якобы в качестве

хроники событий) была организована в нарратив (жизне, повесть), а, скорее, наоборот. Нарратив Невского, предложенный лояльным ему автором в “Повести о житии”, стал основой своеобразной конструкции летописного рассказа о “Невской битве” и всех последующих текстов.

Если у хроник, по словам Уайта, конец открыт, а сами они “могут продолжаться бесконечно” [18, с. 26], то “исторические истории [stories] прослеживают последовательность событий, которые ведут от завязок к (временным) развязкам социальных и культурных процессов” [18, с. 26]. Попутно следует отметить, что летописи изначально ориентированы на конец истории как таковой.

В отличие от хрониста, летописец располагает события по степени значимости, “приписывая событиям как элементам истории разные функции таким образом, чтобы раскрыть формальную связность целого набора событий, рассмотренных как постижимый процесс с различимыми началом, серединой и концом” [18, с. 26]. Нарратор пишет свою историю “с конца”, т.е., нарратив выстраивается от конечного результата или развязки – к началу. Его задача заключается в том, чтобы связать воедино, как писал Поль Рикер, три временные позиции: позицию описываемого события, позицию события, по отношению к которому описывается первое событие, позицию нарратора [см. 15, с. 169].

Применительно к истории нарратив имеет смысл рассматривать не только как повествовательный текст, но и как способ практического познания мира при котором событие предстает перед нами в виде повествования о событии. Другими словами, событием является то, что мы знаем о нем. Только при выполнении этого условия событие становится историческим фактом.

Можно дискутировать о том, является ли нарратив в какой-либо форме уже в повседневной действительности или он появляется в момент создания повествовательного произведения?.. Однако, безусловно, нарративная структура появляется только в повествовании.

Действие первое. Святой

Имя Александра неразрывно связано с Невской битвой. Первые упоминания о ней мы находим в Лаврентьевской летописи и Новгородской Первой летописи старшего извода (НПЛ).

В Лаврентьевской летописи (написана не ранее 1377 года в Рождественском монастыре города Владимира-на-Клязьме, где было погребено тело Невского) о битве сообщается не под 1240 годом (этот год отмечен двумя событиями: рождением у князя Ярослава дочери Марии и взятием Киева татарами), а под 1263 годом, годом смерти Александра Ярославича. К тому же, летописец вставляет в текст “Повесть о житии Александра Невского”, которая представляет собой княжескую биографию, соединяющую в себе черты жития и воинской повести.

Мари Исохо отмечает, что в Повести представлен “христианский идеал хорошего правителя” и, по сути, она является “панегириком воину”, мало отходя от европейского идеала воина [см.: 22, р. 135]. Однако, автор “Повести” (составление относят к 1280-м годам и связывают с именами Дмитрия, сына Александра Невского, и митрополита Кирилла) озабочен не соответствием рассказа действительным событиям и даже не описанием воинских подвигов князя. Он придает тексту поучительность, необходимую для такого рода произведений. Так, говоря об Александре, он упоминает, что князь “разгорелся сердцем”, “упал на колени пред алтарем”, “молился со слезами”. В Повести Александр припоминает слова пророка: “Суди, Господи, обидящих меня и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне”, а также, по законам жанра, произносит “историческую фразу”: “Не в силе Бог, но в правде”. Высадку шведов автор Повести именует

“нашествием”, предводителя шведов называет королем и, наконец, сообщает живописную подробность о том, что Невский “на лице самого короля оставил печать острого копья своего” [см.: 12].

Называя шведов не “свеями” или “свеонами”, а “жителями полунощной римской области”, автор Повести, с одной стороны, придает противнику черты апокалипсического врага, а с другой, возводит локальный приграничный конфликт в ранг столкновения двух миров – русского и римского, за которыми легко угадываются православный и католический.

Текст НПЛ, дошедший до нас в так называемом Синодальном списке, относящемся к 1330 году (приписки разными почерками сделаны в 1331-1352 годах и связаны с Юрьевым монастырем), рассказывает о битве довольно сдержанно: “В лето 6748. Придоша Свеи в силе велице, и Мурмане, и Сумь, и емь в кораблехъ множество много зело; Свеи съ княземъ и съ пискупы своими; и сташа в Неве устье Ижеры, хотяче всприяти Ладогу, просто же реку и Новгородъ и всю область Новгородскую. (...) Князь же Олександръ не умедли ни мало с новгородци и с ладожаны приде на ня, и победи я силою святыя Софья и молитвами владычица наша богородица и приснодевица Мария (...). И ту убиень бысть воевода ихъ, именемъ Спиридонъ; а инии творяху, яко и пискупъ убьень бысть ту же; и множество много ихъ паде...” [10, с.78].

Как мы видим, летописец ничего не сообщает ни о причинах вторжения шведов, ни о их численности, ни о ходе сражения. Нет упоминаний и о поединке Александра со шведским предводителем. Обращает на себя внимание, что самого воеводу шведского он именуется весьма странно – Спиридоном, именем не только экзотическим для шведа, но и которое невероятным образом совпадает с именем тогдашнего новгородского епископа... Скуп летописец и в описании самой битвы – он не рассказывает о подробностях.

Различия в описании сражения следует объяснить не столько их жанровым различием, сколько политической позицией авторов. Хотя летописец делает все возможное для того, чтобы представить себя лишь фиксатором событий и, как правило, избегает указания своего авторства, его позиция проступает сквозь текст весьма отчетливо. У новгородца нет особых причин слишком восторженно отзываться о владимирском князе, которого, несмотря на все приписанные ему заслуги, трижды изгоняли из города. Другое дело владимирский автор, находящийся под контролем потомков князя...

Однако, следует отметить, что и в Повести, и в НПЛ повествование ориентировано прежде всего на религиозное прочтение. Пожалуй, единственным мотивом, общим и для новгородского, и для владимирского автора, был мотив защиты православия. В этом контексте становится понятно, почему Александр Невский до XVI века пребывает в тени людей, заслуги которых в церковном сознании оцениваются выше.

Только во времена Ивана Грозного усилиями митрополита Макария, которым и были заложены основы российского исторического гранд-нарратива, интерес к фигуре Невского реанимируется. А на Московском Соборе 1547 года Невский был канонизирован церковью в лике чудотворцев. Отметим, не за военные или политические заслуги, а за чудеса исцеления, отмеченные у его могилы.

Действие второе. Великий князь

При Петре по Церкви был нанесен сокрушительный удар и, как следствие, жизнь российского общества оказалась сосредоточена вокруг государства. Петра и его наследников занимает, как писал Василий Зеньковский, “не идея вселенской религиозной миссии (хранения чистоты Православия), как это было раньше, а идеал Великой России” [3, с. 88].

В этом контексте не избежал этатизации и образ Невского. Как отмечает Фритьоф Бенджамен Шенк, “при царе-реформаторе государственная по преимуществу интерпретация окончательно взяла верх над церковным дискурсом. Александр Невский был адаптирован к

новой, имперской, знаковой системе и встроен в нее. По воле Петра I всё, включая и святого Александра Невского, призвано было служить росту государственного блага и общей пользы. Содержание образа Александра Невского определялось отныне не благородством правящей династии или святостью церкви, как это было еще в XVI-XVII вв. В имперском петербургском дискурсе святой призван был служить отсылкой к личности и статусу царя и императора, к новосозданной столице Санкт-Петербургу и Российскому государству как империи” [20, с. 130].

Как и во времена Грозного, актуализация Невского при Петре связана с военно-политическими событиями в Прибалтике. В данном случае – с Северной войной. С основанием на Неве Санкт-Петербурга (1703) “нарратив Невского” был актуализирован в адаптированном к условиям начала XVIII в. виде. В июле 1710 года Петр распорядился основать Александро-Невский монастырь (с 1797 – лавра) на предполагаемом месте сражения. Здесь 23 ноября 1718 года епископ Псковский Феофан Прокопович произнес “Слово”. Спустя 450 лет после события выяснилось, что, по версии Ф. Прокоповича, Александр “держал корму отечества своего”, одержал славную победу “над шведским королем”, “благословенным же оружием умертвив смертоносного супостата”, и “прозван был Александром Невским, и тем свидетельствует и донныне, что Нева есть российская”. Наконец, Феофан заявил, что “наш Александр мог прозван быть Невским только за такую при Неве победу, которая неприятелю совершенное бедствие, а России совершенное безпечалие подала” [14]. Хотя Феофан Прокопович был духовным лицом, он также был одним из идеологов разрушительной политики, проводимой Петром в отношении Церкви. Поэтому неудивительно, что именно Феофан сформировал главные тезисы относительно Александра: князь “держал корму отечества своего”, “Нева есть российская” и его победа при Неве была сокрушительной. Как видим, все они имеют вполне светский характер.

30 августа 1724 года понятия “Нева” и “Александр Ярославич” были закреплены неразрывно: мощи Невского были перенесены из Владимира-на-Клязьме в Александро-Невский монастырь.

Апофеозом этатизации образа Невского стало постановление Святейшего Синода от 15 июня 1724 года, которым предписывалось Александра “в монашеской персоне никому отнюдь не писать”, а только “во одеждах великокняжеских”.

А что историки, “птенцы гнезда Петрова”? Верные своему пониманию величия Отечества, Татищев, Ломоносов и другие “вдохновлялись национальным самосознанием, искавшим для себя обоснования вне прежней церковной идеологии” [3, с. 90]. В частности, Василий Татищев рассказывает о событиях на Неве в контексте парадигмы, сформулированной Феофаном. Он упоминает “короля части римской от полуночной стороны”, желавшего “сделать своей Ладугу, а также и Новгород и всю землю Новгородскую”, а также, о том, что во время “брани крепкой весьма и сечи злой”, Александр “самому королю возложил на лицо отметку мечем своим” [17].

Михаил Ломоносов в “Кратком российском летописце” (1760), популярном труде, который использовался в качестве учебной литературы, создал образ Невского как того, кто “храбро побеждал шведов и ливонских немцев, нападавших на Великий Новгород”, а также отмечает, что “по смерти отца своего призван в Орду, где Батый, удивясь его красоте, дородству и мужеству, с честью отпустил на великое княжение владимирское” [8, с. 309-310]. Очевидно, что “светский” образ Невского должен был стать хрестоматийным.

Следующий этап “вписывания” образа Невского в гранд-нарратив приходится на XIX в. и связан с началом профессионализации историописания. Хотя, следует отметить, что речь идет, скорее, об уточнении и дальнейшей стилистической отделке повествования, а не о совершенно новом прочтении Невского.

Так, Николай Карамзин уточняет, что король Шведский, “послал зятя своего, Биргера, на ладиях в Неву, к устью Ижеры, с великим числом Шведов, Норвежцев, Финнов”. Александр “молился с усердием в Софийской церкви, принял благословение Архиепископа Спиридона, отер на Праге слезы умиления сердечного и, вышедши к своей малочисленной дружине, с веселым лицом сказал: “Нас немного, а враг силен; но Бог не в силе, а в правде: идите с вашим Князем!” (...) Александр собственным копием возложил печать на лице Биргера” [4, с. 25-26].

Сергей Соловьев и Николай Костомаров пытаются возвратиться к религиозному контексту Невской битвы. Так, Соловьев пишет, что “Биргер, побуждаемый папскими посланиями, предпринял крестовый поход против Руси” и делает вывод, что “зная, какой характер носила эта борьба, с каким намерением приходили шведы, мы поймем то религиозное значение, которое имела Невская победа для Новгорода и остальной Руси; это значение ясно видно в особенном сказании о подвигах Александра: здесь шведы не иначе называются как римлянами – прямое указание на религиозное различие, во имя которого предпринята была война. Победа была одержана непосредственною помощью свыше [16, стлб. 833-834]. А Костомаров рассказывает о папской булле, которая “поручала шведам начать поход на Новгород, на мятежников, непокорных власти наместника Христова, на союзников язычества и врагов христианства. (...) Биргер сам взял начальство над священным ополчением против русских (...) У новгородцев война также приняла религиозный характер. Дело шло о защите православия, на которое разом посягали враги, возбужденные благословением папы” [6].

На фоне перманентного политического и военного противостояния России и Европы во второй половине XIX в. попытки вернуть Невского в религиозный контекст выглядят вполне либеральными. Однако, они, скорее, наоборот, укрепляют в российском сознании уверенность в том, что военно-политическое противостояние с Западом имеет не только тысячелетнюю историю, но и носит сакральный характер.

Действие третье. Национальный миф

Национальный государственный миф не возникает ex-nihilo, но является, пользуясь выражением Шенка, “переосмыслением уже имевшихся повествований и коллажами из них, т.е. продуктами своеобразного “межкультурного бриколажа”” [20, с. 13].

С конца XIX века идеологи российского изоляционизма превращают Александра Невского в символ государственной мудрости, подчеркивая его компромисс с Востоком (Ордой) и противостояние Западу (разгром шведов и Ордена). Этот символ уже очищен от исторических подробностей, от каких-либо разночтений, и в самом деле являясь “бриколажем”. Миф о Невском, усилиями антизападников, должен вытеснить из массового сознания миф о Петре Великом, показав, что Россия должна ориентироваться не на Запад, а на Восток.

Стоит отметить, что с установлением в России большевистского режима, ключевые мифологемы российской истории, хоть и претерпели некоторые изменения, в целом, сохранились. Ведь, как справедливо отмечает Михаил Велижев, “исторические метасюжеты часто не поддаются манипуляции, а, наоборот, сами задают параметры для идеологических построений советской эпохи” [23, р. 822]. О справедливости этого утверждения можно судить на примере судьбы исторической школы марксиста М. Покровского, разогнанной во второй половине 1930-х годов по причине слишком негативного взгляда на дореволюционную Россию.

Оказалось, что текст истории, созданный до 1917 года, являющийся внутренне неуязвимым для альтернативных подходов, вполне уместен в большевистской России. Неуязвимость этого “текста текстов” базируется на принципиальной невозможности его

диалога с другими текстами, он настаивает на собственной самодостаточности и рассматривает другие тексты как изначально ложные. Но в этом-то и кроется его уязвимость. Претендуя на исключительность, создавая для себя комфортную монологическую среду, он теряет и смысл своего существования, превращаясь в систему мифов, которые, в свою очередь, используются властью, как писал Эрнст Кассирер, “с той же целью, что и боевая техника, – для ведения внутренней и внешней войны” [5, с. 158]. Ведь “мифы новейшего времени – это мифы с новейшей прагматикой, – продолжает Кассирер, – отчетливо ориентированной на определенную группу, партию людей в противовес другой группе. Мифология XX века органическим образом перерастает в идеологию, в тот время как исторический нарратив – средство обслуживания идеологии, превращающее фабулу (story) различных событий в заверченный мифологический сюжет (plot)” [5, с. 158].

Как известно, миф прежде всего выполняет функцию сплочения сообщества. Мифологемы, заложенные в российский исторический гранд-нарратив, должны способствовать единению россиян вокруг власти, а также поощрению к сотрудничеству коллаборационистов из числа народов, находящихся в зоне российских интересов.

Невский, сначала исторический персонаж, затем – фигура исторического нарратива, наконец – мифический образ, успешно выполняет эту функцию. Смещение военного могущества со святостью, грешного и святого – это и есть русский национальный миф.

Россияне крайне болезненно воспринимают попытки зарубежных исследователей поставить под сомнение монолитность российского исторического гранд-нарратива. Мы и не собираемся создавать какой-либо “внешний нарратив” для России. Мы также далеки от мысли предлагать посмотреть, кем “на самом деле” был Невский. Дело не только в нашей скромности, но и методологической уязвимости попытки показать прошлое таким, каким оно было “на самом деле”. Как писал Франк Анкерсмит, “у прошлого как такового нет нарративной структуры – нарративные структуры появляются только в нарративе” [1, с. 128]. Другими словами, Невский есть таков, каким он предстает перед нами в соответствующем повествовании.

Действительно, какая разница, насколько малосимпатичным был Александр Ярославич при жизни, если при упоминании этого имени перед глазами появляется Николай Черкасов из фильма Сергея Эйзенштейна 1938 года... Можно сказать, что образ Невского сформирован в массовом сознании современных россиян именно “Александром Невским”, а не усилиями Николая Карамзина или академика Михаила Тихомирова, в свое время раскритиковавшего фильм.

Актуализированный Сталиным в годы Второй мировой войны, наряду с другими фильмами, посвященными полководцам прошлого, “Александр Невский” должен был дать почувствовать советским (которые вдруг осознали себя русскими) людям их единство через слияние с прошлым, благодаря которому история выстраивается в некую непрерывную цепь событий. Причем, событий значимых, связанных с персонажами, которые, с одной стороны, привносят смысл в эту последовательность событий, а с другой, сами, благодаря участию в них, повышают свой “исторический авторитет”.

Именно “взгляд на историю как на прямую непрерывную линию дает людям чувство идентичности и принадлежности к своей культуре”, – отмечал Стюарт Холл [21, р. 225]. Ради этой непрерывности историки регулярно подвергают историческую линию насилию, упрямо вытягивая ее из пункта А в пункт Б. Отметим попутно, что пункт Б находится всегда там, где пребывает сам историк...

По обе стороны “генеральной линии” (сюжета) расположено “чужое” пространство. Из него можно (и нужно) присваивать любой фактический материал. Но при условии, что в процессе присвоения “чужое” будет становиться “своим” в строгом соответствии с

необходимостью развития сюжета. Собственно говоря, образ Невского потому и оказывается столь востребованным в разные эпохи российской истории, что в нем сосредоточена парадигма российского мышления, сердцевинной которой является коренное, “посконное и домотканое”, возведенное в своеобразную религию, антизападничество.

В российском сознании Вторая мировая (Великая Отечественная) война все еще продолжается. Названия противников меняются, но главный враг – Запад – остается неизменным. А это значит, что мифу Александра Невского уготовано блестящее будущее...

Л и т е р а т у р а :

1. Анкерсмит Ф. Р. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков / Франк Анкерсмит ; пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. – М. : Идея-Пресс, 2003. – 360 с.
2. Данилевский И. Н. Ледовое побоище: смена образа [Электронный ресурс] / Игорь Данилевский // Отечественные записки. – 2004. – № 5 (20). – Режим доступа : <http://www.strana-oz.ru/2004/5/ledovoe-roboishche-smena-obraza>
3. Зеньковский В. История русской философии / Василий Зеньковский – М. : Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.
4. Карамзин Н. М. История Государства Российского. – Т. 4 / Н. М. Карамзин – СПб. : Тип. Н. Греча, 1819. – 556 с.
5. Кассирер Э. Техника политических мифов / Э. Кассирер // Октябрь. – 1993. – № 7. – С. 153-164.
6. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Первый отдел: Господство дома Св. Владимира. Выпуск первый: X-XIV столетия. [Электронный ресурс] / Николай Костомаров. – Режим доступа : <http://www.magister.msk.ru/library/history/kostomar/kostom08.htm>
7. Кучкин В. А. К биографии Александра Невского / В. А. Кучкин // Древнейшие государства на территории СССР: Мат-лы и исслед. 1985 год. – М. : Наука, 1986. – С. 71-80.
8. Ломоносов М. В. Краткий Российский летописец с родословием. Сочинение Михаила Ломоносова / М. Ломоносов // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747-1765 гг. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 287-358.
9. Нестеренко А. Н. Александр Невский. Кто победил в Ледовом побоище / А. Н. Нестеренко. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 320 с.
10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.-Л. : Издательство АН СССР, 1950. – 659 с.
11. Пашуто В. Т. Александр Невский / В. Т. Пашуто – М. : Молодая гвардия, 1974. – 160 с.
12. Повесть о житии Александра Невского [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4962>
13. Приселков М. Д. История русского летописания XI-XV вв. / М. Д. Приселков. – СПб. : “Дмитрий Буланин” : Petropolis, 1996. – 325 с. [1] л. портр.
14. Прокопович Ф. Слово в день святого благоверного князя Александра Невского, проповеданное Феофаном, епископом Псковским, в монастыре Александро-Невском при Санкт-Петербурге в 1718 году [Электронный ресурс] / Феофан Прокопович. – Режим доступа : <http://gkaf.narod.ru/demidova/seminar/s09-main02.html>
15. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / Поль Рикер – М.; СПб. : Университетская книга, 1998. – 313 с.
16. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 6-ти книгах. – Кн. 1. – Т. 1-5. Второе издание / С. М. Соловьев – СПб. : Товарищество “Общественная польза”, 1851. – 879 с.
17. Татищев В. Н. История Российская. Ч. 3. Гл. 38. Великий князь Ярослав II, сын Всеволода [Электронный ресурс] / В. Н. Татищев – Режим доступа : http://statehistory.ru/books/Vasiliiy-Tatishchev_Istoriya-Rossiyskaya-CHasti-2-4/43
18. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Хейден Уайт. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
19. Феннелл Дж. Кризис средневековой Руси. 1200-1304 / Дж. Феннелл. – М. : Прогресс, 1989. – 296 с.
20. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000) / Фритъоф Шенк. – М. : НЛЮ, 2007. – 592 с.
21. Hall S. Cultural Identity and Diaspora / Stewart Hall // Identity: Community, Culture, Difference. – London : Lawrence and Wishart, 1990. – P. 222-237.

22. Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint (The Northern World; 21) / M. Isoaho. – Leiden : Brill Academic Publishers, 2006. – 417 p.
23. Veližev M. Kevin M. F. Platt, Terror and Greatness / M. Veližev // Cahiers du monde russe. – 2011. – 52/4. – P. 819-825.

Нємчинов І. Г. Образ Олександра Невського: від нарративу до міфу.

У статті аналізується процес створення нарративу Олександра Невського як важливої частини російського історичного гранд-нарративу, а також поступове перетворення Невського в національний міф у контексті сучасної філософії історії.

Автор робить висновок, що образ Невського виявляється настільки затребуваним у різні епохи російської історії тому, що в ньому зосереджена парадигма російського мислення, серцевиною якого є антизахідництво. У російській свідомості Друга світова (Велика Вітчизняна) війна все ще триває. І головним ворогом є Захід. Це означає, що міф Невського має майбутнє.

Ключові слова: нарратив, міф, образ, філософія історії, дискурс, сюжет, ідентичність, ідеологія.

Nemchynov I. G. The image of Alexander Nevsky: from the narrative to the myth.

The article analyzes the process of creating a narrative of the Alexander Nevsky as an important part of the Russian historical grand-narrative, as well as the gradual transformation of the Nevsky in national myth in the context of modern philosophy of history.

The author concludes that the image of Nevsky is so popular in different periods of Russian history, that it focused paradigm of Russian thinking, the core of which is the Anti-Westernism. In the Russian minds The Second World (The Great Patriotic) War is still going on. And the main enemy is the West. This means, that the myth of Nevsky has a future.

Key words: narrative, myth, image, philosophy of history, discourse, plot, identity, ideology.

УДК 316.728:001.895

Опанасюк Ю. І.

ІННОВАЦІЙНИЙ ТИП ПРОГРЕСУ ЯК РАДИКАЛЬНА ЗМІНА СТИЛЮ ЖИТТЯ

Соціальний прогрес спричинив необхідність обґрунтування різних концепцій суспільства нового типу. Серед них належне місце посідає її учення про знанняве, або К-суспільство, політичним вектором якого є спрямованість на досягнення високого рівня якості та безпеки життя. Для такого суспільства ООН розробила навіть своєрідний індекс життєдіяльності. Але він потребує певної корекції з огляду на сучасний інноваційний тип прогресу. Сьогодні людина часто постає опосередкованим агентом виробництва, перебуває немов би поза межами виробничих процесів. Зміна ролі суб'єкта виробничих процесів призводить до домінування інтелектуальної діяльності над безпосередньою предметно-практичною. Це викликає необхідність формування працівника нового типу і зумовлює потребу його підготовки на засадах гуманізації виробництва та інтелектуалізації праці, а отже, реалізації творчої природи діяльності й розвитку сутнісних сил людини.

Ключові слова: людина, суспільство, культура, соціальний прогрес, інноваційний прогрес, К-суспільство.

На межі ХХ-ХХІ століть соціальний прогрес ознаменувався формуванням концепції суспільства нового типу, яке отримало назву суспільства, заснованого на знаннях, або К-суспільства. Воно набуло принципово нових вимірів, якими, окрім технологічного, виявилися соціальний, етнічний і політичний. Компонентами такого суспільства постали нові міждисциплінарні знання, які генерують наукові та суспільні інститути, підготовка